

УДК 82-94

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ IV.
ИСТОРИЗМ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: v-orehov@mail.ru*

Официальный французский историограф барон де Базанкур начинал свое творчество как романист. Его интерес к французской истории воплотился уже в первом романе «Летучий эскадрон королевы» (1836), посвященном эпохе Екатерины Медичи. В дальнейшем писатель активно публиковал романы-фельетоны, в которых действие, как правило, разворачивалось в современной автору реальности, однако историческая тематика не была забыта. В 1838 г. Базанкур напечатал роман-фельетон «Гастон де Фуа», где речь шла о событиях XIV в. В 1842 г. вышел роман «Жером Рюде», сюжет которого отнесен к 1440 году. В 1844 г. был опубликован роман «Граф де Рьенни», где автор вновь обращался к эпохе XIV в. Эти сочинения либо остались незамеченными критикой, либо вызвали серьезные замечания. Основные упреки касались, прежде всего, недостаточного умения автора воссоздать «исторический колорит» и приблизить психологию персонажей к реалиям эпохи. Закономерно предположить, что именно слабый успех в жанре исторического романа побудил барона де Базанкура изменить творческую стратегию и искать реализацию своих исторических интересов в сфере не художественных, а научных исследований.

Ключевые слова: барон де Базанкур, исторический роман, эпоха романтизма, историзм, исторический колорит.

ВВЕДЕНИЕ

Путь барона Ф. Ж. де Базанкура к военной истории пролегал через жанр исторического романа. Напомним, что литературное творчество барона началось с публикации в 1836 г. объемного произведения «Летучий эскадрон королевы (1560)», посвященного эпохе Екатерины Медичи. Роман создавался в романтической традиции, и, хотя в повествовании фигурировали реальные исторические личности, сюжет являлся плодом авторской фантазии. Впрочем, де Базанкур стремился передать читателю «колорит эпохи»: текст содержал экскурсы в историю Франции и придворного быта, писатель пояснял историзмы и цитировал исторические хроники.

Известный литературовед П. Д. Якубович отмечал, что писать в 1830-х гг. «“исторический” роман <...> – значило вспоминать метод только что умершего создателя жанра» [18, с. 168], то есть – Вальтер Скотта. Очевидно, что барон де Базанкур ориентировался еще и на французские образцы, в частности, на «Собор Парижской Богоматери» (1831). Но в любом случае он стремился к решению задачи, которую ставила перед художником идеология и поэтика романтизма: не «пересказать» события прошлого, а «угадать и воссоздать прежде всего “дух эпохи”» [6, с. 21]. При этом решающую роль играл авторский вымысел, а историческая конкретика лишь помогала создать «общее впечатление исторической верности,

подкрепленной документацией» [18, с. 168]. Отсылки к документальным свидетельствам стали важным элементом исторического романа [4, с. 130–131], но – лишь в качестве «реперных точек», между которыми пролегал простор авторской фантазии, стремящейся к воссозданию подробностей, «отсутствующих в документах, но определяющих характер всей эпохи» [13, с. 121].

На какой-то момент исторический роман превратился в один из ведущих жанров, но уже в 1830-е гг. интерес публики к нему начал ослабевать, хотя в печати появлялись произведения, которые ныне причисляются к лучшим образцам жанра [14, с. 557]. Б. Г. Реизов объяснял этот спад популярности трансформацией общественных настроений: «изучение современности казалось более необходимым, чем картины прошлого, как бы они ни были великолепны» [14, с. 558].

Несмотря на такие не слишком благоприятные условия «читательской ситуации» барон де Базанкур неоднократно возвращался к исторической романистике. **Цель** настоящей статьи – проследить историю художественных поисков писателя в этом направлении.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Средневековье и романная реальность

В художественном отношении первый исторический роман барона де Базанкура «Летучий эскадрон королевы (1560)» не был совершенен, но все же в нем угадывались задатки автора, а в качестве литературного дебюта сочинение выглядело вполне пристойно и привлекло внимание читателей [8, с. 54–60].

В дальнейшем Базанкур активно публиковал романы-фельетоны и повести, в которых действие, как правило, разворачивалось в современной автору реальности, однако историческая тематика не была вовсе забыта. В 1838 г. в газете «La Presse» барон де Базанкур разместил небольшой роман-фельетон (по охвату событий, скорее, повесть) «Гастон де Фуа», где обращался к XIV веку. Сюжет был далек от исторической данности, а «колорит эпохи» сводился к стереотипным, множество раз обыгранным в литературе представлениям о средневековье с его суевериями, замками, рыцарями, сильными характерами и жестоким нравами [9, с. 51–52]. Эти характеры и нравы в изображении Базанкура значительно отличались от норм XIX в., и, думается, автор таким образом демонстрировал истину, открытую миропредставлением романтизма, – о несходстве психологии людей разных эпох [15, с. 7]. К моменту выхода «Гастона де Фуа» эта мысль уже не выглядела новой. Читателя интересовала историческая обусловленность психологических и нравственных отличий разных эпох, но сочинение барона не раскрывали этого. «Сильные характеры» его персонажей были иными, нежели характеры современников, но причины этой «инаковости» оставались за пределами авторского внимания. Судя по тому, что «Гастон де Фуа» не вызвал литературно-критического обсуждения, роман-фельетон был воспринят как «проходное явление», которое, подобно многим другим, претендовало на воссоздание «духа эпохи», а на самом деле воссоздавало дух порою вальтер-скоттовского, а порою готического романа.

«Жером Рюде»

Интерес Базанкура к истории Франции подпитывался двумя источниками. С одной стороны, он актуализировался литературным запросом современности, с другой – диктовался происхождением автора. В предыдущей части исследования мы уже говорили, что в светской и литературной жизни барон де Базанкур избирал «амплуа» аристократа, причем аристократа в высшем проявлении – наследующего славу, принципы и манеры рыцарских времен [10, с. 36]. Иногда эта роль могла вызывать раздражение. Так, в 1841 г. театральная газета «Les Coulisses» [«Кулисы»] напечатала ироничное сообщение с красноречивым заглавием «Феодальная свадьба»:

«Господин барон де Базанкур, высокородный и могущественный вельможа летучей прессы, кавалер ордена фельетона, командор нескольких газет и, главное, человек достойного общества, вчера женился в аббатстве Нотр-Дам-де-Лоррет на молодой и прекрасной владелице замка с древним гербом. Несколько вассалов отправились в храм помолиться за своего господина и сюзерена, после чего пировали под стенами феодального замка» [36].

Манера поведения и социальные взгляды барона могли раздражать, но факт в том, что аристократизм писателя, как мы уже говорили [10, с. 43], не был наигранным, являлся естественным следствием семейного воспитания и светского общения. Он действительно смотрел на мир глазами родовитого дворянина, и обычное для наследника древней фамилии внимание «к исторической судьбе древних прославленных родов» [1, с. 406] было вполне свойственно барону де Базанкуру. В связи с этим уместно вспомнить наблюдение А. С. Пушкина: «Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины <...>» [11, с. 162]. Подобное отношение к исторической памяти было близко и самому Пушкину: Е. В. Тарле замечал, что «<...> история для него была чем-то вроде расширенной их, Пушкиных, семейной хроники» [16, с. 211]. Причем, отмечал историк, для Пушкина важно «не только то, как “водились Пушкины с царями”, а и то, как расходились Пушкины с царями!» [16, с. 212] «Разногласия» с царями (а применительно к Базанкуру – с королями) были подтверждением независимого духа, присущего древнему дворянству, показателем важности той роли, какую аристократические фамилии играли в истории страны, а память писателя об этих фактах служила данью уважения не только ко всему древнему дворянству, но к собственным предкам. Поэтому легко заметить, что в исторических сочинениях Базанкура – и в «Летучем эскадроне королевы», и в «Гастоне де Фуа» – родовитые феодалы изображены скорее соперниками монархов, нежели их смиренными слугами.

Нет ничего удивительного, что, напечатав ряд произведений о современных нравах – «Последнее воспоминание» (1839), «Луиза Дальмар» (1840), «Игра кокетки» (1840), «Мадмуазель Сенневиль» (1841) и др., – в 1842 г. барон де Базанкур снова опубликовал исторический роман, озаглавив его «Жером Рюде. 1440 год» [«Jérôme Rudeix. 1440»].

События разворачиваются в Париже в эпоху правления Карла VII и завершающей стадии Столетней войны: прошло 9 лет после казни Жанны д'Арк и осталось еще 13 лет до битвы при Кастильоне, определившей окончательную победу французов. Уже на первых страницах романа мельком упоминается Собор Парижской Богоматери [22, т. 1, р. 17], что, видимо, должно было настроить «читательские ожидания» на необходимую «жанровую волну».

Главный герой романа – молодой граф Гастон Деннари, соблазнивший простую девушку Леану, которая искренне полюбила графа и была вынуждена покинуть ради него дом отца. К моменту начала описываемых событий Деннари охладил к Леане, поскольку его мысли теперь заняты блестящей придворной дамой Агнессой Сорель. Агнесса Сорель – личность реальная и известная – фаворитка Карла VII, долгое время имевшая значительное влияние на придворную и политическую жизнь. П. де Барант в «Истории герцогов Бургундских» характеризовал Агнессу Сорель так: «Говорили, что она давала королю лишь добрые советы и тем самым оказала королевству “большие услуги”» [21, р. 218].

Страсть молодого графа Деннари к Агнессе приобретает вид одержимости. Пытаясь завоевать внимание надменной красавицы, он вступает в жаркие конфликты с соперниками, устраивает пышные празднества и, наконец, растрчивает все состояние. Осознав, что разорение лишает его возможности находиться при дворе и надеяться на ответную любовь Агнессы, он решает инсценировать свою гибель и начать жизнь заново – среди разбойников.

Гастон Деннари оказывается в банде, называемой «Убийцы» [Meurdriers]. По словам автора, «Убийцы» пришли на смену бандам «Живодеров» [Escorcheurs]; они бродили в поисках добычи по городам и селам и были виновны в самых ужасных преступлениях [22, т. 1, р. 60]. Вожаком «убийц» был бывший капитан лучников Жером Рюде, по имени которого и назван роман. Кроме того, оказывается, что Рюде – отец Леаны.

Леана тяжело переживает мнимую гибель графа Деннари и решает вернуться в дом отца, покинутый когда-то из страха перед родительским гневом за внебрачную связь. Так, Гастон Деннари и Леана вместе оказываются среди разбойников, но для Жерома Рюде их прошлые отношения остаются тайной. Между тем в очередной стычке разбойников с жандармерией Гастон Деннари получает серьезную рану, до неузнаваемости обезобразившую его лицо. Леана ухаживает за раненым графом и продолжает нежно и предано его любить, хоть внешне ее отношение к нему напоминает чисто сестринскую привязанность. Даже в условиях этой жизни «вне закона» она находит некое подобие счастья, находясь рядом с возлюбленным.

Однако хрупкое счастье начинает рушиться, когда Гастон сталкивается с напоминаниями о прошлой жизни. Сначала разбойники захватывают в лесу экипаж с Агнессой Сорель, но Гастон заставляет их отпустить знатную даму. Затем сама Агнесса спасает Гастона и Леану, попавших в руки жандармов. Словом, прежняя страсть к фаворитке короля снова заполняет сердце Деннари. Он является во дворец Агнессы, чтобы раскрыть тайну своей инсценированной гибели, но ни Агнесса, ни другие придворные не верят его словам, поскольку изуродованное шрамами лицо не позволяет узнать в нем графа Деннари. Единственным выходом оказывается

предъявить метрические документы, которые в свое время были отданы на хранение Жерому Рюде. Теперь главная цель Гастона – вернуть эти бумаги, и ради этого он готов перешагнуть через любые моральные запреты.

Развязка такова. Леана осознает, что эгоистичное потакание страстям лишило графа остатков благородства и человечности. Она открывает умирающему от ран Жерому Рюде, что именно Гастон Деннари некогда был виновником ее падения. Рюде в гневе сжигает документы Деннари. Граф окончательно лишается надежды подтвердить свое имя и вернуться к придворной жизни. Это заставляет его покончить с собой, бросившись в Сену.

В сравнении с «Летучим эскадром королевы» сюжет «Жерома Рюде» отличается большей динамичностью и целостностью. Повествовательная манера приобрела стилистическое единство: хотя текст и переполнен продолжительными диалогами, все же романное изложение нигде не превращается в собственно «драматургические сцены». Базанкур явно старался перемежать диалоги напряженными эпизодами вооруженных стычек, погонь и поединков, что должно было постоянно оживлять читательское внимание. Автор, как и в «Летучем эскадроне королевы», насыщает текст афористичными высказываниями, но порою они слишком напоминают манеру светскую острологию XVIII–XIX вв., что нарушает иллюзию «погружения» в средневековье. К примеру, автор сообщает, что даже на восьмой день после мнимой гибели Деннари продолжались разговоры об этом событии и резюмирует: «Восемь дней после смерти жить в мыслях равнодушных людей – это почти бессмертие» [22, т. 2, с. 73].

Если говорить о собственно «историческом» элементе, то его роль в «Жероме Рюде» заметно снизилась. В качестве предисловия к роману автор помещает небольшой исторический очерк «Франция в 1440 г.» [22, т. 1, р. 5–16], где предлагает бросить «беглый взгляд» на Францию той поры [22, т. 1, р. 5]. В очерке используются хроники, но взгляд действительно оказался «беглым», поскольку занял всего десяток страниц и, пожалуй, был призван лишь напомнить читателю, что в ту пору Франция была «разорвана в локуты, изувечена и повсюду кровоточила», а «внутренние беспорядки происходили каждый день и усугубляли зло» [22, т. 1, р. 12]. Реальные исторические личности в романе появляются, но в сюжет вовлечены довольно слабо. Исторические источники используются в качестве комментариев, но крайне редко.

Романный «историзм», или «У всякого барона своя фантазия»

Роман барона де Базанкура вышел в свет, судя по всему, весной 1842 г. Уже с марта газеты начали размещать отклики явно рекламного характера, предполагающие комплементарность оценок. «L'Observateur des Pyrénées» заявила, что уже само имя барона де Базанкура является достаточной похвалой новому произведению [20]. «La Presse», с которой, напомним, барон тесно сотрудничал, отметила, что автор нового романа особенно преуспел в передаче «истинных и возвышенных чувств», поскольку «он умеет с большой тонкостью проследить порывы души, скрытые за улыбкой или спрятанные под слезами» [31]. «La Gazette de France» сообщила, что действие романа разворачивается во времена «великолепного царствования Карла VII» и автору удалось «исследовать характер той эпохи и

отразить ее главные черты» [29]. И наконец, составитель «Литературной хроники» еженедельника «Le Tam-tam» (видимо, это был сам издатель газеты Ж.-Л.-О. Коммерсон, скрывшийся под псевдонимом «L. Prudhomme») как бы резюмировал общие похвалы словами, что в новой книге «в высшей степени раскрыты все блестящие качества молодого и изящного писателя» [32].

Однако летом появилась публикация, которая во многом противоречила рекламным уверениям газет. Подробный разбор романа вышел в довольно новом еще на ту пору издании – в журнале «La Revue indépendante», издаваемом Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо. Саркастичный тон разбора, посвященного «Жерому Рюде», задавался уже первыми строками статьи:

«Это исторический роман. Автор пожелал дать нам живое олицетворение времен Карла VII; в предисловии, среди прочего, нам сообщается, что в книге присутствует “серьезная мысль”.

Герой романа, Гастон Деннари, <...> любим похищенной им девушкой, а сам влюблен в Агнессу Сорель; но она привязана к королю, <...> тогда как Леана, девушка, которую он похитил, а затем прогнал, любит его до конца <...>. В этом, несомненно, заключается серьезная мысль книги: показать, что на любовь женщины, которая вас любит, следует рассчитывать гораздо более, нежели на любовь женщины, которая вас не любит, и это совершенно справедливо» [19, р. 255].

Основные упреки, однако, касались именно историчности романа. Отметив скудость собственно исторических отступлений, критик констатировал:

«<...> “Жером Рюде” – роман, построенный на воображении. Местный колорит, вопреки претензиям автора, ограничивается бранью убийц и несколькими описаниями празднеств и костюмов; мы нашли бы там еще много неточных подробностей <...>. Но особенно мы упрекаем автора за частые несоответствия между языком его персонажей и их костюмом; он вкладывает в уста убийц водевильные шутки, в которых столько анахронизмов <...>. Затем идут нескончаемые поэтические декламации без всякого повода, ангелы по всякому поводу и драматическая манера изъясняться» [19, р. 256].

Подтвердив эти наблюдения текстовыми примерами, критик заключал:

«“Жером Рюде” должен был появиться десять лет назад, когда мы были объаты пылом романтического средневековья и кинжалов Толедо; сегодня этот роман выглядит чуть ли не остроумным преувеличением жанра, если бы не добрые чувства Леаны, которые заставляют нас воспринимать его всерьез» [19, р. 256].

Этой ироничной и колкой статьей неприятности романиста не были исчерпаны.

В сентябрьской книжке ежемесячного журнала «Эхо литературы и изящных искусств Франции и зарубежья» [Écho de la littérature et des beaux-arts en France et à l'étranger] появился разбор «Жерома Рюде», принадлежащий перу главного редактора

– Эрнеста де Белене. Журнал известен тем, что не щадил самолюбие многих известных авторов: Стендаля, Бальзака, Теофиля Готье и др. [26, р. 99]. Оценки по адресу Базанкура также оказались далекими от комплиментов.

Критик сразу отмечал слабую связь сочинения с фактами реальной истории:

«По общему колориту <...> “Жером Рюде” есть исторический роман. Но напрасно вы искали бы в этой книге истинные события и характеры, все – чистое воображение; мы не намерены по этому поводу ссориться с г-ном де Базанкуром, поскольку он и не собирался поступать иначе <...>» [23, с. 231].

Очевидно, что Базанкур «собирался поступать» именно «иначе» и задумывал именно исторический роман, но де Белене не был склонен рассматривать несоответствие текста заявленному жанру как фатальное обстоятельство. Он отыскивал в романе художественные достоинства помимо историчности. Так, по мнению критика, барон де Базанкур «любит напряженные сцены, и они ему удаются»; причем, отмечает Белене, в «Жероме Рюде» они выписаны более искусно, нежели в «Летучем эскадроне королевы». Однако сцены «нежных чувств» и «тихого счастья» у автора выходят значительно слабее:

«Подобно Данте, он предпочел бы петь об аде, нежели о рае. Когда нужна истинная чуткость, он часто находит под своим пером лишь сентиментальные банальности; он, обычно столь богатый своими средствами, ограничивается заимствованиями, и видно, что он пишет более умом, нежели сердцем» [23, с. 232].

Критика смутило и название романа:

«Если нас спросят, кто такой Жером Рюде, мы тут же ответим: “Жером Рюде – отец Леаны”. Но если бы нас вдобавок спросили, почему эти тома носят его имя!.. То мы бы смиренно признались, что нам об этом ничего не ведомо; мы на самом деле не понимаем, почему роман (если уж он должен быть озаглавлен именем собственным) носит иное название, нежели имя графа Деннари. Граф Деннари, определенно, является главным героем, необходимым персонажем книги, а Жером Рюде – персонаж вспомогательный <...>. Может быть, г-на Базанкура прельстило дикое звучание этого грубого имени, но такой мотив был бы крайне легкомысленным, и мы не хотим на нем останавливаться, хотя и не находим иного объяснения столь странному выбору заглавия» [23, с. 231–232].

Говоря о грубости имени, критик, конечно, имел ввиду созвучие фамилии Рюде с прилагательным «rude» – грубый, неотесанный, суровый. Прибавим, что по сведениям составителей словаря «Разоблаченные литературные обманы» (1869), Базанкур планировал назвать роман еще более зловеще: «Рюде-убийца» («Rudeix le meurtrier») [33, р. 472]. Так что предположение де Белене, кажется, ушло не далеко от истины: заглавие романа должно было как-то отражать колорит «мрачного средневековья», и для этого наиболее подходящим оказалось имя второстепенного персонажа.

К финалу разбора де Белене переходил к более благосклонному тону и даже заявлял, что роман, невзирая на недостатки, является для автора литературным шагом вперед, но в итоге несколько свысока и, явно обыгрывая общественное и финансовое положение писателя, входил в роль наставника для начинающего литератора:

«<...> Если бы мы осмелились упрекнуть благородного писателя, то лишь в том, что он занимается литературой и искусством слишком дилетантски, слишком аристократически; и в качестве совета мы бы напомнили ему, что сейчас, чтобы снискать в литературе не славу, а хотя бы репутацию, недостаточно делать хорошо, необходимо еще многое, особенно если, как в случае с 2-ом де Базанкуром, автор имеет счастье оказаться среди тех богачей (выделено автором. – В. О.), с которых, по словам Евангелие, много спросится, поскольку им многое дано (выделено автором. – В. О.)» [23, с. 232].

Судя по всему, обе рецензии Базанкура сильно задели, причем особенно – упреки в недостаточной историчности романа. Во всяком случае, к такому выводу можно прийти, если познакомиться с очередной критической статьей – в газете «Le Courrier français» 24 сентября (т. е. вскоре после отзыва в «Écho de la littérature...»).

«Le Courrier français» была одной из наиболее влиятельных газет той поры, а разбор романа «Жером Рюде» был велик по объему и располагался в одном из наиболее заметных мест – полностью занимал «подвал» первой полосы. Подписана статья псевдонимом «Ed. M.», под которым обычно выступал известный знаток литературы и театра Эдуард Монне [37, р. 10], и это в литературном мире наверняка не являлось секретом.

Такое внимание к анализу романа, который уже не являлся новинкой, принадлежал автору не первой величины и получил неблагоприятные критические отзывы, могло показаться неоправданным, а потому критик и начинал свой разбор с пояснения, что поводом для публикации стало повторное издание «Жерома Рюде».

Далее Монне создавал небольшую интригу: принимая позу строгого ценителя и как бы извиняясь перед автором за суровые суждения, он рассуждал в том смысле, что роман уже признан публикой, а потому никакая критика ему не навредит. Это располагало читателя ожидать негативных отзывов о книге, но вместо того критик обращал внимание лишь на ее сильные стороны. К этим сильным сторонам Монне относил уже сам выбор описываемой эпохи:

«<...> Наряд “Жерома Рюде” скроен из всей ткани французской истории: фон, на котором нарисована его свирепая и мрачная физиономия, – одна из самых любопытных эпох в наших анналах, период правления того короля, для которого были совершены столь великие дела, которому вдохновенная дева вернула половину его земель и которого любовница почти заставила отвоевать другую» [28].

Монне обратил внимание на ту особенность романа, которую не замечали прежние критики. Речь об интерпретации исторической роли Агнессы Сорель. В историю она вошла с двойственной репутацией. Одни в ней видели вдохновительницу короля на борьбу против англичан и в этом отношении чуть ли не

приравняли к Жанне д'Арк, другие воспринимали как любимицу придворной удачи. Базанкур действительно находился перед выбором, в каком ключе изобразить Сорель и, как помним из содержания романа, остановился на второй версии. Монне пояснял читателю, что такое авторское решение было основано на изучении исторических фактов, которые свидетельствуют, что Агнесса Соррель слишком дорого обходилась французской казне, интересовалась лишь светскими увеселениями, имела сомнительную репутацию. Так что интерпретация Базанкуром личности Сорель уже сама по себе оказывалась проявлением исторической достоверности:

«<...> Агнесса Сорель <...> является стержнем, на котором вращается действие, и всемогущие прелести прекрасной дамы (выделено автором. – В. О.), еще более неотразимые соблазны ее кокетства приводят в движение основные пружины. Г-н де Базанкур придал ей характер Селимены, которую забавляют окружающие ее почести, но которая не заботится о серьезности вызываемых ею чувств. <...> Она была больше похожа на Монтеспан, чем на Лавальер» [28].

Далее Монне цитировал средневековые хроники, подтверждающие, что банды разбойников действительно наводняли в ту эпоху Париж, в красочных выражениях пересказывал содержание романа, перечислял исторические источники, на которые опирался Базанкур, и еще раз акцентировал внимание на том, что книга создавалась на основе не только писательского воображения, но и изучения эпохи по документам:

«В то время, когда существует избыток романов, претендующих на изображение современной морали, г-н де Базанкур поступил правильно, вернувшись к жанру, бессмертные образцы которого создал Вальтер Скотт; и, прежде всего, он хорошо сделал, что вернулся к этому с теплотой воображения, питаемого наблюдениями и исследованиями» [28].

Тон этой критической статьи, ее объем и место публикации, использованные аргументы – все заставляет заподозрить, что она являлась результатом так называемой «литературной приязни» [7], инструментом поддержки дружественного литератора. Возможно, по просьбе Базанкура Монне сделал акцент именно на исторической основе романа. Так или иначе, а дискуссия по поводу «Жерома Рюде» продолжения не получила, и в пользу историчности книги больше никто не выступил.

Думается, прохладный прием романа критиками объяснялся обстоятельством, которое много позднее академик В. Е. Тарле описывал, анализируя исторический роман Флобера «Саламбо». По мнению ученого, писатель имел в своем распоряжении крайне малое число источников по интересующей эпохе, и это лишило картину убедительности. «Он рисует эту историческую обстановку, – отмечал В. Е. Тарле, – но вы не верите и потому не верите, что он не знает ее. <...> Вы чувствуете нутром, что все это выдумано Флобером, что те человеческие движения чувств, которые есть у него, они хорошо показаны, но почему это Карфаген, это неизвестно, потому что полная скудость исторических материалов мешает вашей художественной иллюзии» [2, с. 169].

Барон де Базанкур стремился объединить воображение с историческим знанием, но, кажется, исторического знания ему не хватало. Исторические факты в его романе воспринимались не в качестве основы, дополненной воображением, а в качестве импульсов, запускающих работу воображения, подчиненного лишь авторской прихоти. Его «исторические» картины расценивались как фантазии, которые, если верить старинной французской пословице, свойственны «всякому барону» [3, с. 129]. Во всяком случае, когда роман Базанкура добрался до России, «Отечественные записки» оценили его так:

«Исторический роман, который, впрочем, вернее бы назвать исторической фантазией. Автор хотел представить эпоху Карла VII. Даже как фантазия сочинение это очень посредственно» [17, с. 24].

«Граф де Рьенни»

Итак, «Жером Рюде» по ряду художественных качеств превосходил «Летучий эскадрон королевы», но встречен был хуже. Тем не менее через два года, в 1844 г., барон де Базанкур снова опубликовал роман о средневековье, обратившись к эпохе XIV в. Книга называлась «Граф де Рьенни» [“Le comte de Rienny”]. Внимание снова сосредоточено не столько на бурных исторических событиях времен правления Иоанна II, сколько на судьбе вымышленного персонажа – графа де Рьенни, который был простым крестьянином, но стал рыцарем.

Выход романа снова поддержали газетные публикации. Сатирический еженедельник «Le Tintamarre» мельком упомянул, что автору «Графа де Рьенни» присуще «изящество стиля» [27]. «Le Constitutionnel» в подвале на четвертой полосе рядом с рекламными объявлениями разместила краткое сообщение, что новый роман барона де Базанкура – «прекрасное и обширное исследование о второй половине XIV века», где автор «собрал <...> различные типы и с редким счастьем свел воедино все лица этой блестящей эпохи, хорошо уловив ее характер и верно воссоздав ее лица – то суровые, то нежные, то меланхоличные, то грозные» [30]. Более обширный (хоть местами буквально повторяющий сообщение в «Le Constitutionnel») анонс появился в «Le Courrier des spectacles». В качестве главной заслуги автора представлялось его умение воспроизвести «разнообразные типы, рожденные тем бурным веком»: «Дворянство и народ, эти два старых врага, которые порою забывают друг о друге, но всегда друг друга ненавидят; сила перед лицом слабости; энергия бок о бок с изнеженностью; подвиги французского рыцарства, и рядом – королевская власть, брошенная к ногам любовницы» [25]. Кроме того, в общих чертах обозначалась сюжетная интрига:

«Граф де Рьенни – один из тех действительно новых и оригинальных образов, что захватывают чувства и вызывают сильный интерес. Этот бедный, оборванный, безутешный, униженный человек, вдруг ставший знатным, богатым, блестящим, меняющий свою убогую одежду на камзол великого сеньора, ставящий на кон то золото, которое годом ранее не смог бы заработать никакими силами, оказывается в центре захватывающей драмы. <...> Буря грохочет, неистовствует и захватывает его беспощадным вихрем. Марселла – милая и поэтичная натура; это чистота среди распутства, покой среди хаоса, смирение среди страданий» [25].

Предсказуемо, что традиционно в хвалебном духе о новой книге своего сотрудника откликнулась «La Presse». Газета отмечала умение автора уловить основные типы, присущие эпохе, и тронуть «сокровенные струны души», а также напоминала, что читателям «La Presse» барон де Базанкур знаком благодаря «очаровательным произведениям “Мадмуазель Сенневиль” и “Положение обязывает”» [24].

Все цитированные отзывы имеют множественные переключки, и, видимо, писались по одному шаблону, что характерно для материалов рекламного характера. Впрочем, «La Presse», кажется, напрасно напоминала о романе-фельетоне «Положение обязывает» как об одном из лучших произведений Базанкура. Всего годом ранее этот роман вызвал весьма нелестную оценку «Театральной газеты» [“Le Journal des théâtres”]:

«Что касается “La Presse”, то ее фельетон всегда аристократичен, что не значит – занимателен, и самый скучный из французских баронов, известный как барон де Базанкур, публикует здесь развороты в слишком многих частях под заголовком “Положение обязывает”» [34].

В любом случае выход «Граф де Рьенни» не удостоился серьезного внимания критиков. О романе кратко отозвался разве что «Цензурный бюллетень», который обычно ругал любое сочинение Базанкура, а в «Графе де Рьенни» не обнаружил «никакой морали» [35, р. 108]. Похоже, что всеми «Граф де Рьенни» был воспринят как явление совершенно заурядное. Вероятно, в большой успех книги не особенно верил и издатель, а потому ограничился небольшим тиражом. Приходим к такому выводу, поскольку сегодня роман не удастся разыскать даже в крупных библиотеках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий настрой читательских интересов 1840-х гг. мало способствовал успеху исторических романов барона де Базанкура. Сказывалось сразу несколько факторов. Общая социальная ситуация актуализировала осмысление, прежде всего, современной проблематики. Кроме того, в развитии исторического романа наметился «кризис жанра»: он приобретал шаблонные формы [14, с. 559] и начинал ассоциироваться со сферой развлекательной литературы для широкого читателя [5, с. 16]. Искушенной публике в «историческом романе» не доставало исторической достоверности.

Общеизвестно выражение из литературной жизни той поры: «История – это гвоздь, на который я вешаю свои картины». Фраза приписывается А. Дюма [12, с. 123], но с еще большим основанием могла бы быть приписана барону де Базанкуру: сюжеты его романов не раскрывали механику исторических процессов; факты исторической действительности лишь служили «подпорками» для каркаса вымышленной интриги. Но даже такой подход к интерпретации истории оставлял для автора возможность добиться признания. Это хорошо продемонстрировали романы того же А. Дюма, и прежде всего, пожалуй, наиболее популярный роман «Три мушкетера» (публикованный в 1844 г., то есть одновременно с «Графом де Рьенни» барона де Базанкура). Даже остросюжетные сцены, которые Базанкур явно любил и

которые, по признанию критиков, ему удавались, выглядят у А. Дюма более яркими. Но главное, что персонажи А. Дюма действительно выглядели людьми своей эпохи, и в этом отношении «историзм» романов Дюма был значительно более пронизательным и убедительным.

Биография барона де Базанкура свидетельствует, что его интерес к истории был искренним и последовательным. Но в исторической романистике писатель шел по пути, который не обещал больших успехов. Чтобы изменить порядок вещей, приходилось делать выбор относительно дальнейших творческих поисков: либо далее совершенствовать авантюрную составляющую и психологическую убедительность в своих исторических романах, либо вовсе отказаться от художественных интерпретаций истории и предпочесть сфере вымысла документализм. В итоге барон де Базанкур изберет второе и подготовит исследование «История Сицилии при господстве норманнов» (1846), о чем будем вести речь в следующей части нашей работы.

Список литературы

1. *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. – Тарту: Тартуский университет, 2010. – 570 с.
2. *Казанович Б. С.* Е. В. Тарле об историческом романе // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 2 (18). – С. 166–177.
3. *Кошелев А. В.* «У всякого барона своя фантазия» // Россия и Франция: диалог культур. Статьи и материалы. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. – С. 127–137.
4. *Литвиненко Н. А.* Документ и документальность в тексте и контексте французского исторического романа первой половины XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2016. – № 4. – С. 127–135.
5. *Литвиненко Н. А.* Французский исторический роман 1820–1840-х гг. и канонизация жанра // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе: мат-лы междунар. науч. конференции «Наука на благо человечества» (25 апреля 2018 г.). Вып. 8. Новое время – новейшее время. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – С. 13–27.
6. *Малкина В. Я.* Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 140 с.
7. *Мильчина В. А.* «Литературная приязнь» во Франции и в России: camaraderie littéraire и «знаменитые друзья» // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 145. – С. 139–157.
8. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть I. Юность и первый роман // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 48–69.
9. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть II. «Неистовые» черты романа-фельетона // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 2. – С. 48–72.
10. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть III. Светский портрет и литературная личность // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 21–53.
11. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 19 т.]. – М.: Воскресенье, 1994–1997. – Т. 11. Критика и публицистика. 1819–1834. – 1996. – 588 с.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ IV.

12. Пахсарьян Н. Т. Он лучше, чем его репутация: история в мемуарах А. Дюма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2022. – № 4. – С. 121–136.
13. Реузов Б. Г. История и теория литературы. Сб. статей. – Л.: Наука, 1986. – 319 с.
14. Реузов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л.: Худож. лит., 1958. – 568 с.
15. Стеблин-Каменский М. Г. Мир саги. Становление литературы. – Л.: Наука, 1984. – 245 с.
16. Тарле Е. В. Пушкин как историк // Новый мир. – 1963. – № 9. – С. 211–220.
17. Французская литература // Отечественные записки. – 1842. – Т. XXV. – № 11. – С. 13–26.
18. Якубович Д. П. «Капитанская дочка» и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – Вып. 4/5. – С. 165–197.
19. A. A. Bulletin bibliographique // La Revue indépendante. – 1842. – Т. IV. – P. 233–256.
20. Après “Jérôme Rudeix”... // L'Observateur des Pyrénées. – 1842. – № 323. – 23 mars. – P. 4.
21. Barante P. B. de. Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois, 1364–1477. T. 7. – Paris: Imprimerie de Fain, 1826. – 520 p.
22. Bazancourt, baron de. Jérôme Rudeix. 1440. – Paris: Souverain H., 1842. – 2 vol.
23. Belenet E. de. Jérôme Rudeix, par m. le baron de Bazancourt // Écho de la littérature et des beaux-arts en France et à l'étranger. 1842. – 1 Septembre. – p. 230–232.
24. Bibliographie // La Presse. – 1844. – 14 mars. – P. 3.
25. Bibliographie – Le Comte de Rienny // Le Courreur des spectacles. – 1844. – 13 mars. – P. 3.
26. Brix M. Nerval et la fantaisie: à propos d'un compte rendu retrouvé des “Femmes du Caire” // Studi Francesi. – 2008. – № 154 (LII / I). – p. 93–99. doi.org/10.4000/studifrancesi.9096.
27. Bulletin littéraire // Le Tintamarre. – 1844. – № 10. – 10–16 mars. – P. 6.
28. Ed. M. Jérôme Rudeix, par le baron de Bazancourt // Le Courrier français. – 1842. – № 267. – 24 Septembre. – P. 1.
29. Il n'est pas de livres plus utiles... // Gazette de France. – 1842. – 8 mai. – P. 5.
30. Il y avait une étude belle... // Le Constitutionnel. – 1844. – 6 mars. – № 66. – P. 4.
31. Nouvelles et faits divers // La Presse. – 1842. – 4 Mai. – P. 3.
32. Prudhomme L. Chronique littéraire // Le Tam-tam. – 1842. – 17 avril. – № 16. – P. 5.
33. Quérard J.-M., Brunet G., Jannet P. Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. Party 1. – Paris, 1869. – 1278 p.
34. Revue des feuilletons // Le Journal des théâtres. – 1843. – № 4. – 27 avril. – P. 1.
35. Romans, contes et nouvelles // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1844. – T. 2. – № 7–8. – P. 105–116.
36. Une noee [noce] féodale // Les Coulisses. – 1841. – № 38. – 13 mai. – P. 4.
37. Weitz Sh. “Le Pianiste”: Parisian Music Journalism and the Politics of the Piano, 1833–35. A dissertation submitted to the Graduate Faculty in Music in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. New York, 2016. – 227 p.

References

1. Vol'pert L. I. *Pushkinskaja Francija* [France of Pushkin]. Tartu, Tartuskij universitet Publ., 2010. 570 p.
2. Kaganovich B. S. E. V. *Tarle ob istoricheskom romane* [E. V. Tarle about the historical novel]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, 2018, no. 2 (18), pp. 166–177.
3. Koshelev A. V. «U vsjakogo barona svoja fantazija» [“Every baron has his own fantasy”]. *Rossija i Francija: dialog kul'tur. Stat'i i materialy*. Tver': Izd-vo Mariny Batasovoj Publ., 2015. pp. 127–137.
4. Litvinenko N. A. *Dokument i dokumental'nost' v tekste i kontekste francuzskogo istoricheskogo romana pervoj poloviny XIX veka* [Document and documentary in the text and context of the

- French historical novel of the first half of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija*, 2016, no. 4, pp. 127–135.
5. Litvinenko N. A. *Francuzskij istoričeskij roman 1820–1840-h gg. i kanonizacija zhanra* [French historical novel of the 1820–1840s. and canonization of the genre]. *Hudozhestvennoe osmyslenie dejstvitel'nosti v zarubeznoj literature: mat-ly mezhdunar. nauch. konferencii «Nauka na blago čelovečestva» (25 aprelja 2018 g.). Vyp. 8. Novoe vremja – novejšee vremja*. Moscow, IJU MGOU Publ., 2018, pp. 13–27.
  6. Malkina V. Ja. *Pojetika istoričeskogo romana: Problema invarianta i tipologija zhanra* [Poetics of the historical novel: The problem of invariant and typology of the genre]. Tver', Tver. gos. un-t Publ., 2002. 140 p.
  7. Mil'čina V. A. «Literaturnaja prijazn'» vo Francii i v Rossii: camaraderie littéraire i «znamenitye druž'ja» [“Literary affection” in France and in Russia: camaraderie littéraire and “famous friends”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 145, pp. 139–157.
  8. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' I. Junost' i pervyj roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part I. Youth and the first novel]. *Učenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki*, 2023, vol. T. 9 (75), no. 1, pp. 48–69.
  9. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' II. «Neistovye» čerty romana-fel'etona* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part II. “Furious” features of the feuilleton novel]. *Učenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V I. Vernadskogo. Filologičeskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 2, pp. 48–72.
  10. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' III. Svetskij portret i literaturnaja ličnost'* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part III. Secular portrait and literary personality]. *Učenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 4, pp. 21–53.
  11. Puškin A. S. *Poln. sobr. soč.: [V 19 t.]. T. 11. Kritika i publicistika* [Complete works: In 19 volumes. T. 11: Criticism and journalism]. Moscow, Voskresen'e, 1996. 588 p.
  12. Pahsar'jan N. T. *On luchshe, chem ego reputacija: istorija v memuarah A. Džuma* [He is better than his reputation: history in the memoirs of A. Dumas]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otečestvennaja i zarubeznaja literatura. Serija 7: Literaturovedenie*, 2022, no. 4, pp. 121–136.
  13. Reizov B. G. *Istorija i teorija literatury. Sb. statej* [History and theory of literature. Digest of articles]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 319 p.
  14. Reizov B. G. *Francuzskij istoričeskij roman v jepohu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism]. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1958. 568 p.
  15. Steblin-Kamenskij M. G. *Mir sagi. Stanovlenie literatury* [The world of the saga. The formation of literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 245 p.
  16. Tarle E. V. *Puškin kak istorik* [Puškin as a historian]. *Novyj mir*, 1963, no. 9, pp. 211–220.
  17. *Francuzskaja literature* [French literature]. *Otečestvennye zapiski*, 1842, vol. XXV, no. 11. pp. 13–26.
  18. Jakubovich D. P. «Kapitanskaja dochka» i romany Val'ter Skotta [“The Captain’s Daughter” and the novels of Walter Scott]. *Puškin: Vremennik Puškinskoj komissii*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1939, no. 4/5, pp. 165–197.
  19. A. A. *Bulletin bibliographique // La Revue indépendante*, 1842, vol. IV, pp. 233–256.
  20. *Après “Jérôme Rudeix”... // L'Observateur des Pyrénées*, 1842, no. 323, 23 mars, pp. 4.
  21. Barante P. B. de. *Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois, 1364–1477. T. 7*. Paris, Imprimerie de Fain, 1826. 520 p.
  22. Bazancourt, baron de. *Jérôme Rudeix. 1440*. Paris: Souverain H., 1842. 2 vol.
  23. Belenet E. de. *Jérôme Rudeix, par m. le baron de Bazancourt // Écho de la littérature et des beaux-arts en France et à l'étranger*, 1842, 1 septembre, pp. 230–232.
  24. *Bibliographie // La Presse*, 1844, 14 mars, pp. 3.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ IV.

25. *Bibliographie – Le Comte de Rienny // Le Coureur des spectacles*, 1844, 13 mars, pp. 3.
26. Brix M. *Nerval et la fantaisie: à propos d'un compte rendu retrouvé des "Femmes du Caire" // Studi Francesi*, 2008, no. 154 (LII / I), pp. 93–99. doi.org/10.4000/studifrancesi.9096.
27. *Bulletin littéraire // Le Tintamarre*, 1844, no. 10, 10–16 mars, pp. 6.
28. Ed. M. *Jérôme Rudeix, par le baron de Bazancourt // Le Courrier français*, 1842. no. 267, 24 septembre, p. 1.
29. *Il n'est pas de livres plus utiles... // Gazette de France*, 1842, 8 mai, p. 5.
30. *Il y avait une étude belle... // Le Constitutionnel*, 1844, 6 mars, no. 66, p. 4.
31. *Nouvelles et faits divers // La Presse*, 1842, 4 mai, p. 3.
32. Prudhomme L. *Chronique littéraire // Le Tam-tam*, 1842, 17 avril, no. 16, p. 5.
33. Quérard J.-M., Brunet G., Jannet P. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. Party 1*, Paris, 1869. 1278 p.
34. *Revue des feuilletons // Le Journal des théâtres*, 1843, no. 4, 27 avril, p. 1.
35. *Romans, contes et nouvelles // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris, Impr. Crapelet, 1844, vol. 2, no. 7–8, pp. 105–116.
36. *Une noee [noce] féodale // Les Coulisses*, 1841, no. 38, 13 mai, p. 4.
37. Weitz Sh. "Le Pianiste": *Parisian Music Journalism and the Politics of the Piano, 1833–35*. A dissertation submitted to the Graduate Faculty in Music in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. New York, 2016. 227 p.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART IV.
HISTORICISM OF THE HISTORICAL NOVEL**

Orekhov V. V.

The official French historiographer Baron de Bazancourt began his work as a novelist. His interest in French history was already embodied in his first novel, "The Queen's Flying Squadron" (1836), dedicated to the era of Catherine de Medici. Subsequently, the writer actively published feuilleton novels, in which the action, as a rule, took place in the author's contemporary reality, but the historical themes were not forgotten. In 1838, Bazancourt published the feuilleton novel "Gaston de Foix," which dealt with the events of the 14th century. In 1842, the novel "Jerome Rude" was published, the plot of which dates back to 1440. In 1844, the novel "The Comte de Rienni" was published, in which the author again turned to the era of the 14th century. These writings either went unnoticed by critics or attracted serious criticism. The main reproaches concerned, first of all, the author's insufficient ability to recreate the "historical flavor" and bring the psychology of the characters closer to the realities of the era. It is logical to assume that it was precisely the weak success in the genre of the historical novel that prompted Baron de Bazancourt to change his creative strategy and seek the realization of his historical interests in the field of scientific rather than artistic research

Key words: Baron de Bazancourt, historical novel, era of romanticism, historicism, historical flavor.